

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2008

Маска кэля

*Не догадываясь, что я лежу под скалами Камо,
Моя жена ждет моего возвращения
Сегодня, сегодня! Каждый день я ждала тебя
И теперь они говорят, что ты лежишь,
Погребенный под ракушками реки Исе*

— Какиномото Хитомаро

Рыскын спал беспокойно.

Ему снова снилось, что он тонет. Тяжелый доспех тянул в темную бездну холодного моря. Рыскын хрипел, плевался, бил по воде руками и пытался закричать. Но даже если бы ему удалось позвать на помощь — никто, кроме моржей и чаек, не услышал бы его.

Все товарищи Рыскина погибли. Кого-то утащило за собой на дно тонущее судно, другие пытались сопротивляться стихии иплыли к берегу. Один за другим они уходили под воду, с воплями и мольбами, но большинство были слишком истощены, чтобы кричать. Их посиневшие лица скрывались среди увенчанных пенящимися бурунами волн. Скрывались, чтоб больше не увидеть далекого, негреющего солнца...

Рыскын держался дольше других. Он вырос на севере, на острове, где море ненамного теплее, чем у берегов этого сурового и негостеприимного края. Ему и раньше случалось зимой падать с рыбацких лодок или показывать свою удаль, купаясь ранней весной.

До льдины, с которой на Рыскына невозмутимо смотрели равнодушные белые чайки, оставалось совсем немного. Если бы он только смог сбросить с себя бесполезные доспехи... Рыскын постарался успокоиться и одеревеневшими пальцами стал распускать узлы, на которых крепились широкие наплечники. Туго завязанные веревки не хотели поддаваться. Зачем же он приказал надеть брони? Кого, кроме льдин, им стоило бояться у этих безжизненных берегов?..

— Дедушка!

Он вздрогнул и резко поднялся. Тусклый свет жирника освещал белые шкуры полога и худенького мальчика, склонившегося над ложем старика.

— Дедушка, — шепотом повторил ребенок, — папа просил разбудить тебя. Сказал, твои стоны гостей пугают.

Старик кивнул и закашлялся. Внук вернулся к очагу и уселся рядом с отцом. Он внимательно слушал разговор взрослых, внимал каждому слову, и при этом смешно, как евражка, вытягивал шею. Рыскын протер глаза. Слух у него по-прежнему был хороший — не то что зрение.

— ...Морянин? — услышал старик возмущенный возглас сына. — Вот уж нет, отец всегда боялся моря.

— Дедушка совсем плавать не умеет! — громко пропищал внук, и тут же втянул голову в плечи, ожидая подзатыльника.

Гости добродушно засмеялись, и отец решил не наказывать проявившего неучтивость сына.

— А я хорошо рыбу умею ловить, — похвастался Аккай. — Папа, помнишь, как мы с тобой на каяке летом в море ходили? Я тогда три рыбы поймал вот такие большие...

— Какой умный мальчик, — похвалил гость, — считать умеет.

— Я тоже умею, — без всякой гордости сказал Кмоль, — отец научил.

Рыскын нехотя поднялся с ложа из теплых оленьих шкур. Опираясь на руки и волоча за собой безжизненные ноги, он выполз в круг света у очага. Смех гостей оборвался. Рыскын добродушно улыбнулся и пристроился рядом с внуком, так, чтобы тепло веселого огня согревало его.

Гостями оказались двое мужчин, в которых Рыскын безошибочно узнал морян. В отличие от оленеводов, предпочитавших меховую одежду, гости носили непромокаемые плащи из моржовых кишок поверх белых камлеек.

— Прости, что нарушили твой сон, отец, — сказал его сын Кмоль, с тревогой глядя на старика.

Рыскина обрадовала забота сына.

«В мать пошел», — с любовью глядя на Кмоля, подумал он. В отличие от низкорослого отца, Кмоль вырос настоящим красавцем: сильным, статным и широкоплечим.

— Мне уже лучше.

— Дедушка, наши гости — моряне, — запищал маленький Аккай, — Они на больших лодках плавают, на кита охотятся!

— Ох-ох! — в притворном испуге воскликнул Рыскын.

— Мальчик ошибся, мы не рыбаки, — улыбнулся один из мужчин. — Мы торговцы, кавралины.

— А про большие лодки мы и вправду говорили, — пояснил его товарищ. — Мы видели их, когда на каяках торговать с инук плавали. Огромные лодки, с широкими парусами — на таких не страшно и далеко в море за китом выйти...

— Говорят, это люди с далеких островов. Их тела покрыты густой шерстью, как у великанов-людоедов, но они хорошо платят за пушнину и камус.

— Не нравится мне это, — сильно нахмутив густые брови, сказал Кмоль. — Сначала танги, теперь эти островитяне на кораблях.

Слушая рассказ гостей, Рыскын в который раз похвалил свою сообразительность. Когда до их кочевья дошли первые слухи о приходящихся с запада иноплеменниках, старик понял, что это не просто заблудившиеся путешественники или торговцы. Очевидцы рассказывали об удивительном оружии пришельцев, благодаря которому они получили свое прозвище: танги — «поражающие огнем».

Рыскын знал, о каком чуде идет речь. Порох... дьявольское изобретение, которое много лет назад изуродовало жизнь его Родины. Теперь он добрался и сюда, серый порошок, приносящий с собой смерть и разрушения.

Выслушав очевидцев, Рыскын тотчас отправился на встречу со старейшинами кочевья, и убеждал их отправиться подальше на север. Туда, где могут выжить только луораветлан. Однако те не захотели его слушать. Рыскын для них оставался чужаком. Годы, которые он прожил среди настоящих людей, его жена и дети — ничто не могло поколебать непреклонных старейшин...

— Вы сами с кем-то из этих островитян виделись? Раз говорите, шерстью покрыты, — спросил старик.

— Нет, — признал торговец, — в этом году мы еще не были на южном побережье. Сейчас туда направляемся. Вот, вас по пути встретили и удивились. Что же вас одних в такую даль занесло?..

— Ездили к родичам, — объяснил Кмоль. — Показать им внука. После того как моя жена умерла мы их ни разу не навещали.

Кавралин решил сменить неприятную тему и сказал, указывая на стоящий в углу полога старый доспех:

— Большой мастер этот доспех делал, — похвалил мужчина. — Как же он кость так черным выкрасил? Или то сажа?..

— Это не костяной доспех, — усмехнулся Рыскын, — он из дерева и кожи.

Торговец, видевший в жизни разве что только грубые панцири из костяных пластинок и щиты из ломкого серого плавника, недоверчиво посмотрел на старика.

— Твой отец, верно, был великим воином? — спросил его спутник у Кмоля.

— Куда уж мне, — добродушно улыбаясь, проговорил старичок, ничуть не похожий на бойца.

— Мы — мирные люди, — Кмоль вернул разговор прежнее русло. — В нашем стойбище никто никогда не уводил у соседей оленей и не похищал жен.

Торговцы снова переглянулись. Они о чем-то явно хотели спросить, но не решались.

— Мы с вами хотели дальше поехать до побережья, — предложил кавралин. — Хотя таньгу сейчас здесь редко можно встретить, вместе безопаснее будет...

Кмоль нахмурился.

— Вместе со стариком и ребенком безопаснее? — спросил он.

— На самом деле мы неслучайно с вами встретились. Слышали от твоего друга Комо, что твой отец могучий шаман и в услужении у себя держит кэля, которому ни пули, ни стрелы не страшны.

— Комо говорит о том, чего не видел, — проворчал Кмоль. — Мой отец не шаман и кэля не он призывал. Расскажешь, отец?

— Расскажешь? — с надеждой повторил маленький Аккай, которому в этой истории принадлежала немалая роль.

Рыскын задумался. Кавралины путешествовали по всему северу и всюду делились новостями и пересказывали слышанные истории. Если Комо начал болтать, случившееся все равно не утаишь. Раз так, не лучше ли воспользоваться возможностью отвести от семьи опасность?

— Расскажу, — улыбнулся старик, — всю правду, а то мало ли какие враки люди болтают.

Аккай пристыженно опустил глаза. Несмотря на запрет деда, он не раз хвалился этой историей перед другими детьми, не смущаясь, описывал подробности и детали, которые сам не мог помнить.

— Было это прошлой зимой. Мы тогда у моря стояли...

...Год назад ноги Рыскына еще не были поражены немощью, и он мог бегать не хуже, чем в молодости. Впрочем, хорошим бегуном Рыскын

отродясь не был. Вот и сейчас, увидев, что Аккай снова играет с вожаком упряжки — злым и своенравным псом — старик не стал бегать за внуком, а только сказал:

— Садись рядом, малыш.

Аккай нехотя повиновался.

Мальчику было скучно и одиноко. Он хотел познакомиться с другими детьми, чтобы у него появились товарищи для игр. В далеком северном стойбище, где они прожили последние пять лет, детей было мало и все они были угрюмыми и недружелюбными к коротышке Аккаю.

«Ничего, скоро мы вернемся к морю, — подумал Рыскын, — оставим позади вечные снега негостеприимного севера и вернемся туда, где началась моя жизнь».

Рыскын обильно полил мочой тряпку и принялся натирать ею полозья нарт. На морозе теплая, исходящая паром жидкость быстро замерзала, превращаясь в тонкий слой льда, на котором нарты будут легко и быстро скользить по снегу.

Войдая полозья, он вспоминал, как сильными руками перебирал ее гладкие, мягкие волосы чернее ночи, как двигались ее тонкие алые губы и блестели от слез большие глаза, обрамленные длинными ресницами. У нее было нежное лицо и хрупкое тело, совсем непохожее на грубоватую внешность Айнау — матери Кмоля. Но он любил обеих женщин: и Айнау, и красавицу с черными волосами, имя которой заставил себя забыть.

— Расскажу-ка я тебе, малыш, сказку, — улыбнулся старик, с трудом вырвавшись из мира собственных воспоминаний.

— Страшную? — заинтересовался Аккай.

— Правдивую, — улыбнулся Рыскын.

«Страх и в жизни хватает».

Он наморщил лоб и заговорил:

— Жил как-то на островах богатый и сильный народ...

— Большеротые? — предположил Аккай.

— Нет.

— Инук?

— Тоже нет.

На этом познания мальчика об окружающем мире закончились, и он покорно умолк.

— Многолюдное то было племя и богатое, — продолжил старик. — и очень воинственное. Много лет люди этого племени воевали между собой, хотели знать, чей род сильнее. Пока не появился герой...

— Великан и силач?

— Нет, коротышка не выше меня ростом. Звали его Той-томи, — Рыскын подмигнул внуку, — но до того умный и хитрый, что убедил всех великанов и силачей слушаться его.

Мальчик нахмурился и внимательно посмотрел на своего деда.

— Как же он их убедил?

— Пообещал отдать им все, что есть на земле и саму землю. Сказал: «Пойдете за мной, дам вам богатую добычу — богатства, женщин, сокровища».

— Как же он мог такое обещать? Если у него это все было, то почему богатыри просто не отняли?

Рыскын рассмеялся и несколько раз хлопнул ладонью по полозьям. Аккай испуганно уставился на деда. Старик закашлялся и перестал хохотать.

— Жаль, тебя там не было, — он улыбнулся, — те великаны совсем глупые были, раз поверили в такую ерунду. Коротышка сделал себе шлем в форме солнца, собрал армию и победил всех врагов. Когда на родных

островах не осталось никого, кто мог противостоять ему, он снарядил большие лодки и послал их в соседние земли. Командовать походом назначил своего друга, которого звали Мацу.

Аккай слушал старика с широко раскрытым ртом. Для мальчика огромной армией был отряд в десять человек, а кораблем — рыбацкая байдара с одной мачтой. Рыскын хотел продолжить историю, как вдруг собаки залаяли.

— Что там? — мальчик вскочил и побежал смотреть.

— Подожди, Аккай, — старик неловко спрыгнул на землю и обошел ярангу.

Он тотчас увидел приближающиеся сани. Каюр на них был совсем глупым, раз умудрился так загнать собак: животные в его упряжке были так измучены, что даже не подавали голоса, а только громко хрипели, высунув чуть ли не до земли красные языки. Подъехав к яранге, правящий санями мужчина соскочил на снег и замахал хозяевам руками.

— Комо? Это ты? — узнал каюра Кмоль.

— Кмоль! — обрадовался пришелец. — Хорошо, что я дым от вашей яранги увидел. Скорее помоги мне.

Рыскын приблизился и увидел, что на санях гостя лежал человек, закутанный в покрасневшие от крови шкуры. Старик выругался. Он никогда не любил Комо. В детстве тот был задиристым и глупым мальчишкой, всегда попадал в неприятности и лез на рожон.

— Кого ты привез? — нахмурился старик.

— Это Роттын, мой товарищ.

Комо и Кмоль стащили раненного с саней и уложили его на снегу. Старик откинул тяжелые, пропитавшиеся кровью шкуры и поморщился.

— Твой товарищ умрет к утру, — безжалостно сказал Рыскын.

Мужчина еще дышал, но на его губах вздувались кровавые пузыри, а в плече зияла наспех перевязанная рана. Старик нахмурился, потому что понял, что человека ранили не копьем или стрелой. Рыскын не видел огнестрельных ран очень давно, но по обожженным краям отверстия тотчас понял, что в мужчину стреляли из ружья.

— Отец, помоги мне отнести его в дом, — попросил Кмоль.

— Подожди, — Рыскын внимательно посмотрел на притихшего Кома и требовательно спросил: — Вы что, напали на таньгу?

Широкоплечий мужчина вздрогнул и втянул голову в плечи.

— Мы только ходили к корякам, — сказал он. — Хотели у них оленей увести. Откуда же нам было знать, что там таньги стояли? Но мы их не испугались! Роттын успел одного ранить, перед тем как его колдовским громом поразило.

Старый Рыскын витиевато выругался на своем родном языке. Этого он и опасался, принимать у себя Кома значило навлечь всевозможные беды. Бросить его... старик посмотрел на сына. Кмоль ожидал приказаний от старика, на севере возраст пользовался непоколебимым авторитетом. Маленький Аккай притих и переводил взгляд с отца на деда. Рыскын дожил до глубокой старости не только благодаря сообразительности и умению избегать неприятностей. Он понимал, что мир северян строится на взаимовыручке и непоколебимых законах гостеприимства. Кома мог быть безрассудным глупцом, но он был колечком в той же цепи, которая поддерживала существование всех людей в этом замкнутом суровом мире.

— Вы нас не прогоните, — нерешительно сказал Кома. — Гостеприимство...

— Не учи меня, — проворчал Рыскын. — Аккай, беги скорее в ярангу и разведи огонь. Тащите его внутрь.

Кмоль с благодарностью посмотрел на отца. Вместе они занесли раненного в полог, и положили возле огня. Рыскын достал нож и начал резать прилипшую к телу Роттына пропитавшуюся кровью одежду.

— Аккай, возьми котелок и наполни его снегом, — попросил он. Внук тотчас же умчался исполнять приказание.

Раненый тяжело дышал и стонал. Комо уселся поодаль и напряженно наблюдал за действиями старика.

— Кмоль, держи его, чтобы не дергался, — попросил Рыскын.

В молодости он не раз видел, как нужно лечить раны, нанесенные пулями. Северяне были уверены, что ружья поражают громом и молнией, поэтому Комо не догадался извлечь из тела товарища пулю и промыть рану. Однако нагноение еще не началось, и Рыскын понял, что еще может спасти незадачливого оленевода.

Аккай вернулся и повесил полный котелок на очаг. Старик промыл рану и взялся за длинный тонкий нож. Комо дернулся и хотел что-то сказать, но промолчал. Рыскын накалил лезвие над огнем и резко погрузил его в открытую рану. Роттын закричал и начал вырываться, полог наполнился запахом обожженной плоти. Старикуну пришлось сделать несколько попыток, прежде чем ему удалось поддеть и вытащить сплюснутый железный шарик. К тому времени раненный уже перестал сопротивляться и только прерывисто дышал и вздрагивал. Его тело было покрыто липким потом, глаза закатились, а прокушенные губы кровоточили.

— Твой отец шаман? — спросил перепуганный Комо у Кмоля. — Он знает, что делает?

Гость, похоже, уже успел пожалеть о том, что отдал раненного друга на растерзание сумасшедшему старику. Северяне относились к смерти еще проще, чем на родине Рыскына. Они не видели в ней красоты или доблести,

но и не проливали слез, когда кто-то из родных заканчивал свой земной путь. Хотя Рыскын и прожил большую часть жизни среди этого народа, он отчаялся понять, что движет их поступками. Комо рисковал жизнью, чтобы спасти товарища и найти помощь, но он скорее предпочел бы оборвать муки несчастного, чем подвергать его мучительному лечению.

— Шаман, — подтвердил старик, чтобы не вдаваться в долгий спор. — Сейчас я промою рану и наложу повязки. Их надо будет часто менять. Рану пусть зашьют женщины, я не могу этого сделать.

У Рыскина не хватало пальцев, чтобы держать тонкую иголку, а доверять такое дело Кмолю он не хотел.

— Если твой друг не умрет к утру, то, наверное, выживет.

— Но ведь рана такая маленькая! — воскликнул Комо.

Рыскын поднял пулю и ткнул ему в лицо.

— Этот шарик был отравлен, — он не стал вдаваться в подробности и объяснять, что смертельно опасной была не сама пуля, а нагноение и ожоги. Широкоплечий мужчина смущенно покраснел и склонил голову в знак благодарности.

— Утром вы должны уехать отсюда, — сказал Рыскын. — Если Роттын правда ранил или убил таньгу, они станут вас преследовать. Кмоль, ты поедешь с ними, поможешь.

— Я возьму Аккая, — предложил сын.

Старик задумался. Если мстительные таньги найдут его ярангу, то они могут убить всех, кто попадется им под руку, даже малыша. С другой стороны, если его поймут в тундре вместе с раненым оленеводом...

— Нет, — старик мотнул головой. — Здесь Аккай будет в безопасности, поверь мне. Послушайся старика.

Кмоль нехотя согласился. Его напугала перемена, произошедшая в отце. Рыскын, обычно добродушный и улыбочивый, как будто прибавил в росте, его голос стал резким и уверенным, глаза заблестели от волнения.

Договорившись выехать на рассвете, мужчины поужинали и улеглись спать. В ту ночь Рыскын не мог заснуть. С ним частое такое случалось. Он лежал с прикрытыми глазами и слушал спящих. Ровное здоровое дыхание Кмоля, храп большого неуклюжего Комо, тихий свист маленького Аккая и хрипы раненного Роттына. Запах пороха пробудил в старике неуправляемый поток воспоминаний из прошлой жизни. По сравнению с годами, прожитыми среди северян, эти воспоминания были яркими и цветными, переполненными запахами и звуками.

Он поднес к глазам скрюченную старческую ладонь, лишенную двух пальцев. Благодаря своему уму и смекалке Рыскын никогда не был обузой для жены и сына, несмотря на увечье. Судьба даровала ему новую жизнь взамен потерянной, оставленной в море, в ледяной воде, откуда никто не мог выбраться живым. Губы старика скривила улыбка и он прошептал:

*Разом поблекла листва
на деревьях сяра в час успенья —
Неотвратимо грядет
увяданье, сменяя цветенье.*

Когда-то он часто бормотал все известные ему песни и стихи, чтобы не отвыкнуть от звуков родной речи, чтобы не потерять себя под маской добродушного улыбочивого северянина. С тех пор прошло много лет, и он сам стал сомневаться, не была ли прошлая жизнь сказочным сном.

Скоро... скоро он узнает ответ. До побережья оставалось совсем недолго. Еще несколько недель пути и он увидит холодное северное море...

На следующее утро Рыскын проснулся раньше всех. Он протер глаза, с трудом вспомнил события предыдущего дня и еще раз проклял глупость Комо и безрассудное гостеприимство Кмоля. Раненный Роттын дышал тяжело, но ровно, его грудь мерно вздымалась и опадала.

«Выживет», — понял Рыскын.

Он оглядел ярангу, двое мужчин и мальчик крепко спали. Старик почувствовал сильное искушение приложить к лицу немощного подстреленного оленевода одеяло и изо всех сил прижимать, пока тот не замолкнет. Чтобы потом показать тело неудачливого налетчика преследователям-таньгу и тем обезопасить свою семью.

«Нет, — Рыскын покачал головой, — слишком рискованно, к тому же я обещал помочь».

Он задумался над тем, что на севере почти не было взрослых сильных мужчин, только подростки и седые старики. Этот суровый край пожирал собственных детей, но каким-то невероятным образом такая опасная, короткая жизнь делала жизнь человека куда более ценной, чем на родине Рыскына.

— С ним все в порядке? — шепотом спросил проснувшийся Кмоль.

— Если до сих пор не умер, то, скорее всего, выживет, — уклончиво ответил старик, — зависит от того, перенесет ли он дорогу. Вам нужно торопиться.

Кмоль разбудил Кома и они вместе снарядили упряжки и положили на сани стонущего бесчувственного Роттына.

— Сбереги Аккая, отец, — попросил Кмоль.

— Ты тоже попусту не пропади, — посоветовал старик.

После отъезда сына Рыскын старался вернуться к привычной ежедневной работе, но не мог сосредоточиться. Ему казалось, что тангу со всех сторон подбираются к яранге. Аккай чувствовал тревожное настроение деда и не решался завести разговор.

— Чего ты притих, малыш? — Рыскын не выдержал и решил нарушить молчание.

— Ничего, просто так... — Аккай набрался смелости и спросил, — а чем кончилась та сказка про островитян?

— Налетел большой ветер. Разогнал корабли, сорвал паруса и утопил их в море. Почти никто не спасся. Командующий походом утонул, опустился на морское дно и заснул. Так остался вождь Той-томи без его помощи. Его старые враги вспомнили былые обиды и погубили Той-томи, а затем и всю его семью. Так закончилась сказка.

Мальчик задумался, обдумывая конец истории.

— А я знаю, кто такие островитяне из твоей сказки, — похвастал Аккай, — мне Кома рассказал. Это сисман, продавцы иголок!

— Вот как, — улыбнулся Рыскын.

— Дедушка, помнишь, когда мы были в гостях у родичей мамы... Когда шаман надевал свою маску, и в него входил кэля. Мне даже казалось, что страшная маска — это его настоящее лицо. А ты как думаешь?

— Я думаю, и лицо, и маска кэля — настоящие, — серьезно ответил старик.

Собаки залаяли, Рыскын вздрогнул и оглядел горизонт. Он тотчас увидел приближающиеся маленькие быстроходные сани, запряженные оленями. Рядом с ними ехали два всадника на лошадях — очень редкое зрелище на севере.

— Папа вернулся? — обрадовался Аккай.

— Это не он. Молчи и слушайся меня во всем, — предупредил Рыскын.

«Теперь все зависит от тебя, старик», — напомнил себе Рыскын. Он никогда не боялся смерти, но должен был уберечь единственного внука. Спрятать мальчика в яранге? Нет, там его быстро найдут. Пусть видят, что мы ничего не скрываем, пусть видят только ребенка и немощного старика.

Рыскын зажмурился и представил, что надевает маску. Личину старичка-оленевода, слишком немощного и беспомощного, чтобы самостоятельно водить стадо. Наивного и добродушного. Годами ему казалось, что эта маска намертво приросла к его лицу и снять ее уже невозможно, но вчерашние события — запах пороха, стонущий раненый мужчина — дали по маске Рыскина глубокую трещину.

Оленья упряжка остановилась недалеко от яранги. Оленями правил мужчина в глухой меховой одежде, слишком теплой для этого времени года. По одежде и необычной, быстроходной оленьей упряжке Рыскын узнала в нем южанина-коряка.

Двое всадников, сопровождавших упряжку, коряками не были. Их глубоко посаженные глаза и выдающиеся носы выдавали жителей далеких земель. Один из пришельцев был очень молод, другой — постарше, с длинными, как у моржа, усами. Оба всадника — и старей, и молодой — носили тяжелые меховые шапки и странную долгополую одежду, а грудь усатого к тому же блестела от металлических пластин.

Рыскын вышел к незванным гостям. Коряк приподнялся со своего маленького сидения на санях, и погрозил старику кнутом.

— Ну-ка стой, чавчу! — рявкнул он.

Рыскын остановился, увидев, как молодой всадник потянулся к рукояти широкой сабли.

Усатый держал в руках взведенный охотничий самострел, наставив дуло на старика.

— Стой, говорю тебе.

— Что вам нужно? — спросил старичок.

Всадники неторопливо спешили, весело переговариваясь на незнакомом Рыскину языке. Усатый что-то спросил у коряка, тот ответил. Было заметно, что их лающий, как у собак, говор давался ему сложнее, чем бытовавший среди оленеводов язык «настоящих людей».

— О чем вы говорите? — сильно нахмурившись, спросил Рыскын.

Вдавливая подошвы в ломкий снег, к нему подскочил молодой пришелец и сильно толкнул. Рыскын охнул и неловко упал. Аккай побежал к деду, но старик его вовремя остановил:

— Стой! Не подходи!

Молодой южанин с размаху ударил Рыскина ногой в грудь. Оленевод стиснул зубы, сдерживая гнев, и витиевато выругался.

— Да что вам надо?!

Коряк подошел к лежащему в снегу старику.

— Ищем мы... пропажу, — объяснил он. — Двух мужчин. Чавчу. Может, знаешь, где они?

— Не знаю я никаких пропавших мужчин.

— А кто вы такие?

— Меня Рыскином зовут. Я муж Айнау из рода береговых морян. Да меня в округе все знают! Это мой внук Аккай. Сын Кмоль повел стадо искать моховики.

Коряк, бурно жестикулируя, передал слова старика казакам.

Таньги успокоились и смотрели на обитателей одинокой яранги менее враждебно. Рыскын с трудом поднялся и отряхнул снег, пока пришельцы совещались.

— Давно ушел сын? — требовательно спросил коряк.

— Зачем вам Кмоль?

Вместо ответа он наотмашь ударил Рыскина по лицу.

— Утром ушел сын, — слизывая соленую кровь, ответил оленивод, — вернется скоро.

— Подождем, посмотрим, что у тебя за сын... кого приведет. А теперь веди нас в ярангу. Холодно.

Рыскын проклял себя за глупость. Он еще не успел отчистить шкуры, перемазанные кровью Роттына. Нужно было их просто выбросить. Таньги поняли, что старик медлит, один из них схватил Аккай и несколько раз встряхнул мальчика так сильно, что тот заплакал.

— Если в яранге кто-то прячется, мы твоего щенка выпотрошим, — предупредил коряк. — А ну, веди, а то ему сейчас ухо отрежут!

Южанин достал нож и поднес к голове ребенка. Рыскын с огромным трудом подавил в себе нарастающий гнев.

— Сейчас, подождите, — попросил он и добавил шепотом, — только не шумите, спугнете их.

Он указал на ярангу.

— Давай выводим их, — поторопил коряк, — если все правильно сделаешь, мы вас не тронем.

— Я все правильно сделаю, — Рыскын улыбнулся.

Сердце старика учащенно билось, руки заметно дрожали. Он заполз в ярангу и присел возле очага. Нужно было успокоиться, иначе ничего не выйдет. Рыскын глубоко вздохнул, прикрыл глаза и сидел неподвижно всего несколько мгновений, представляя, что сидит под тугой тяжелой струей водопада. Дрожь в руках унялась, уверенность вернулась к Рыскыну.

Возиться с доспехом не было времени, но он все же решил взять шлем. Натянул его на голову и завязал под подбородком разлезшиеся от времени и сырости веревки. Защитная маска в форме морды демона надежно прикрыла морщинистое лицо. Рыскын бережно взял меч. Прикосновение к знакомой рукояти придало ему уверенности. Опираясь на ножны как на клюку, старик вышел из яранги.

При виде маски демона незваные гости покатались от хохота. Аккай смог вырваться из рук южанина и сбежать. Рыскын похвалил себя за сообразительность. Он обнажил меч и принял боевую стойку. Усатый южанин неуверенно хохотнул. Старый оленевод крутанулся на пятке и хлестко ударил, выбросив вперед правую руку. Старое, согнутое временем тело было чужим вечно молодому мечу и двигалось, как тряпичная кукла — неуклюже и без прежней грации. Уверенному в себе чужаку хватило и этого. Кончик клинка прочертил глубокую борозду по его щеке. Прежде чем дикая боль достигла сознания усатого казака, Рыскын молниеносным ударом пробил насквозь его горло.

Смех сменился криками ужаса. Второй таньгу схватился за свою саблю. Рыскын облегченно вздохнул, стряхивая с клинка крупные алые капли. Ему не придется убивать безоружного...

Он легко отбил выпад тяжелой сабли, шагнул вперед и, навалившись на рукоять, повел клинок по животу противника, чуть ниже короткого

доспеха. Разрывая одежду, клинок глубоко врезался в плоть. Юнец охнул и повалился в окрасившийся кровью снег. Рыскын выпрямился и поднял меч двумя руками над головой.

Коряк, приведший в его ярангу врагов, попытался бежать. Низкорослый старичок неожиданно ловко, в два прыжка нагнал его. Ударил дважды, быстро, как колотушкой, сбивающей снег. Коряк упал с проломленным черепом, но продолжая протяжно кричать. Рыскын, хрипло крякнув, рубанул еще раз.

Коряк затих. Старик глубоко вздохнул, сгоня напряжение. Каждый мускул тела болел, но ничто не могло сравниться с болью, которую он испытывал от внезапно нахлынувших воспоминаний.

Спрятавшийся возле яранги Аккай жалобно заплакал. Рыскын шагнул к нему, чтобы успокоить малыша, но тот испуганно отпрянул. Старик прикоснулся к холодной маске демона, о которой он забыл, как если бы она стала его настоящим лицом...

— Теперь ты рассказывай, Кмоль, — попросил старик, которого утомила долгая речь.

— Когда я вернулся, отец совсем плох был. Таньги его сильно избили, с тех пор он ходить и не может. Лошади их убежали, но доспех по сей день у меня хранится.

— Что все-таки случилось с таньгу? Кто же, если не ты кэля позвал? — удивился торговец.

— Посмотри, — Рыскын указал на доспехи. — Видишь, какой там шлем? Была еще маска, красивая, как у шамана. Моя покойная жена Айнау

сняла этот доспех с утопленника. Видно, в доспехе поселилась его душа и стала тем самым кэля.

— Дедушка, покажи меч, — попросил Аккай.

Рыскын достал спрятанные среди вещей длинные ножны. Лакированное дерево потрескалось и по нему пролегло несколько длинных трещин. Старик нарочно неловко взялся за рукоятку и попытался обнажить оружие.

— Давай лучше я, — предложил Кмоль.

С тихим шелестом меч покинул ножны. Гости восторженно загалдели. Тонкое лезвие зловеще блестело в свете очага, металл был гладким, только кое-где потертым и исцарапанным. Северяне никогда в жизни не видели такой красоты.

— Како! — восхитились гости. — Тогда мы тем более с вами поедем. Пусть ваш утопленник и нас защитит. А взамен поделимся с вами своими товарами. Согласны?

Кмоль посмотрел на отца, Рыскын задумчиво кивнул.

— Согласны.

Оставшуюся часть пути до южного побережья прошла без происшествий. Как Рыскын и ожидал, торговцы всюду рассказывали про доспех и меч. Люди сходились посмотреть на такое чудо и вскоре вся округа знала про то, что в яранге Кмоля живет могущественный кэля. Поэтому никому и в голову не приходило попробовать выменять или украсть таинственные реликвии.

...А спустя год необычные гости пожаловали в селение. Потом говорили, что они прибыли на огромном корабле, мачты которого были выше стен Нижнековымской крепости. Сойдя на землю, пришельцы в сопровождении проводников из народа ительменов исходили все побережье в поисках яранги Кмоля.

Они явились рано утром, когда старый Рыскын еще спал. Его разбудил Аккай, влетевший в полог с восторженными воплями.

— Дедушка, дедушка! — завопил он.

— Что опять стряслось? — старик вскочил, затряс головой, сгоняя остатки сна.

— Чужеземцы! Да такие странные. Низкие... ну, совсем как ты. То есть еще ниже, наверное. Вставай скорее, ты такого еще не видел!

Лицо Рыскина, обычно добродушное и улыбчивое, приняло необычно-серьезное выражение.

— А знамена у них есть, внучок? Ну, такие рисунки на ткани? — со странной усталостью в голосе спросил дед.

Мальчик закивал.

— И что на них нарисовано?

— Там четыре льдины. И еще какие-то картинки.

Старик побледнел, в его глазах загорелся странный, лихорадочный огонь.

— Я сейчас... — сказал он, пытаясь распрямить спину.

Аккай не стал ждать, пока дед поднимется, и умчался смотреть на диковинных людей. Мальчик был так взволнован, что даже забыл о том, что дед не может ходить самостоятельно.

Рыскын представил, как он на глазах у вестников с его далекой родины неуклюже выползет из яранги. Такого он допустить не мог. В теле старого

оленевода, истерзанном многочисленными испытаниями, проснулась стальная воля. Приподнявшись насколько смог, Рыскын уцепился руками за деревянное перекрытие, поддерживающее купол яранги. Медленно, подрагивая от напряжения, он утвердился на ногах.

«Ну, разве это так трудно?» — спросил он у себя.

Посреди кочевья и вправду стояли странные гости, окруженные кольцом зевак. Люди из соседних яранг, бросив все дела, сбежались посмотреть на диковинных иноземцев. Еще бы! Такое зрелище нескоро забудешь. Кто-то разглядывал их с любопытством, кто-то — с опаской или гневом.

Даже не напрягая свои подслеповатые глаза, Рыскын понял, что внук оказался прав — это были не таньгу. Впрочем, иноземцев оказалось всего четверо. Остальными пришельцами были ительмены, с которыми Рыскын нередко встречался, когда со своей женой Айнау и маленьким Кмолем кочевал вдоль побережья. Ительмены неплохо изъяснялись на языке луораветлан. Вот и сейчас их предводитель расспрашивал о чем-то жителей кочевья.

Но не ительмены привлекали внимание толпы. Хотя пришельцев и было всего четверо, но держались они с таким достоинством, словно были владыками здешних земель. Низкорослые, но крепкие, в красивых доспехах и при оружии. Рыскын знал, что ительмены называют этот народ сисман.

Говорят, это значило «продавцы иголок», из-за умения чужеземцев кроить и шить одежду. А может быть, из-за их странной, шипящей речи. Сисман жили далеко за морем и плавали на огромных кораблях, которые были больше любых китобойных баркасов. Их тела, вопреки слухам, не покрывала густая шерсть. Напротив, головы сисман были почти безволосы,

за исключением черных пучков на макушках, уложенных в сложные прически.

Один из иноземцев держал знамя на длинном древке. В последний раз Рыскын видел изображенный на этом потертом стяге герб развевающимся над замком своего дяди.

— А, Рыскын!— пожилой старец из соседней яранги помахал своему другу, и, опомнившись, изумленно воскликнул. — Ты ходишь?!

Это было так удивительно, что даже отвлекло оленеводов от диковинных пришельцев. Все взоры устремились на немощного, сгорбленного старика, опирающегося на ножны с мечом.

— Что ительмены сказали? — спросил Рыскын.

— Ищут они... — сосед нахмурился. — Говорят, нужен им хозяин яранги, в которой живет могучий кэля, покаравший южан. Кмоль им нужен.

— Вот уж не думал... — устало произнес Рыскын. — Не думал я, как быстро и далеко путешествует сказка.

— Что им ответить?

— Ничего. Им не мой Кмоль нужен.

Рыскын глубоко вздохнул и, опираясь на ножны, поковылял к иноземцам. Он чувствовал, как быстрее забилось старое сердце. Он узнал предводителя сисман. Несмотря на свой низкий ранг, Сабуро всегда держался с гордостью, присущей всем мужчинам рода Нагакура. Он был облачен в парадную, впрочем, изрядно изношенную броню, поверх которой набросил подбитый мехом плащ. Гордым, надменным и презрительным взглядом он глядел на приближающегося старика.

По худощавой, стройной фигуре Сабуро, его широким плечам и моложавому, хотя и морщинистому лицу невозможно было сказать, что этот

человек на три года старше Рыскына. Оленевод улыбнулся — просто, бесхитростно.

Рыскын не без удовольствия смотрел, какие чувства боролись на лице Сабуро, когда он узнал в клюке старого оленевода изогнутый меч, а потом — различил за сетью морщин и шрамов знакомое лицо и узнал глубокие, суровые глаза цвета морской волны.

К изумлению ительменов, Сабуро как подкошенный упал на колени. Остальные пришельцы тотчас последовали его примеру.

— Рюсиро! — полным боли голосом воскликнул Нагакура Сабуро, упираясь в снег голым лбом.

Он был так взволнован, что назвал своего господина по имени. Сабуро называл его так, только пока был товарищем по детским играм. Потом они выросли. Рюсиро стал Мацума-сама, потомком благородного властителя северного острова Эдзо, а Сабуро — его верным вассалом.

Рыскын взял самурая за руку, заставил его подняться и обнял, как это было принято у оленеводов.

— Мацума-сама! — в глазах Сабуро стояли слезы. — Если бы мы знали, что вы спаслись! Когда до нас дошли слухи про меч, я и представить себе не мог...

— Война закончилась? — резко прервал его Рыскын. — Дома теперь мир?

— Мир, — улыбнулся Сабуро, сдерживая слезы.

Рыскын глубоко, протяжно вздохнул.

Мир... цветущая слива, розовые лепестки вишни, сверкающий в лучах солнца феникс, венчающий Золотой Павильон. Звон струн сямисена и мелодичный смех девушек. Море звуков, море запахов, море цветов. Как ему

мог казаться скучным и безжизненным этот прекрасный, яркий мир? Как мог он желать войны?!

— Я могу вернуться?..

— Нет, — голос Сабуро зазвенел от боли. — Вы, верно, не знаете, клан Токугава разбил войска нашего доброго господина Тоётоми и захватил власть. По его указу никто без его дозволения не может покинуть берега Японии или вернуться домой.

Про Токугава он уже знал. Ительмены донесли до них сказки из далеких земель, так же, как их сказания проникали за море. Слово, передаваемое из уст в уста, летело быстрее и дальше любой птицы.

— А вы?

— Мы изгнанники. После поражения Тоётоми все, кто не пожелал расстаться с жизнью или преклонить колени, вынуждены были покинуть родные земли. Мы бежали сначала на остров Эдзо, а потом, когда псы сёгуна начали наступать нам на пятки — дальше на север.

— Мой сын... жив?

— Он вырос в замке вашего дяди, Ёсихиро, который присягнул новому сегуну и сохранил свои земли на юге Эдзо. Ваш сын способный и храбрый юноша.

Рыскын улыбнулся, покосившись на притихшую детвору.

«Мои сыновья способные и храбрые юноши, — про себя улыбнулся старик. — И мои внуки тоже».

Он хотел спросить про свою первую жену, но Сабуро опередил его и быстро заговорил:

— Мацума-сама, теперь, когда вы нашлись — у нас снова есть шанс! Вместе мы высадимся в Эдзо. У нас есть сторонники. Мы поднимем

восстание и одолеем вероломных Токугава. Нынешний правитель — трусливый и жестокий старик. Ваш сын...

— Ты когда-нибудь убивал за еду? — резко прервал его Рыскын.

— Что? — Сабуро не понял.

— Ты когда-нибудь убивал другого человека, чтобы не умереть от голода?

Самурай опешил, не зная, что ответить.

— Возьми, — старик протянул ему меч. — Если у тебя правда есть сторонники — передай моему сыну.

Он заставил Сабуро взять оружие, развернулся, и, прилагая все усилия, чтобы не упасть, заковылял к яранге. Аккай подскочил к деду, и старик с благодарностью оперся о его крепкое плечо.

— Рюси́ро! — жалобно позвал старый друг.

Старик остановился.

— Нельзя прожить две жизни, — сказал он.

Рыскын слышал, как захрустел снег под ногами пришельцев, но продолжал стоять неподвижно и не оборачивался, пока не стих шорох их удаляющихся шагов.

— Дедушка, о чем вы говорили? — спросил любопытный внук.

— Это были злые люди, — ответил Рыскын. — Когда-то давно, они... потеряли здесь одного из своих. У меня была его вещь, я отдал им.

— А я думал, то твой нож и доспех! — удивленно воскликнул внук.

— Что ты, куда мне? — лукаво улыбнулся старик и развел руки, будто говоря: посмотри, какой я маленький и слабый. Разве я могу быть воином?

Мальчишка разочарованно оглядел старика и неожиданно спросил:

— Дедушка, а ты делал зло?

Рыскын устало вздохнул и посмотрел на свои скрученные, мозолистые ладони.

— Делал, — грустно сказал он.

«Я творил такое зло, какое ты, олененок, не можешь себе даже вообразить. Вы, дети тундры, дети ветра, дети свободы, убиваете, чтобы выжить. Будь то олень или нерпа, евражка или человек. Вы убиваете, чтобы не умереть, чтобы не быть убитыми... Потому что того требует закон жизни».

Рыскын зажмурился, подавленный нахлынувшими воспоминаниями.

«Я причинял боль, калечил, убивал из-за пустячных обид, из-за нелепой гордости и чести, из пустой злобы, забавы и жажды наживы, по приказу порочных и несовершенных людей. Ради того, без чего я мог прожить, я отнимал чужую жизнь. И, что самое ужасное, я не мог помыслить, что можно поступать иначе...»

— Дедушка, дедушка!

Старик сжал в своих ладонях маленькую, теплую ручку внука.

— Но знаешь, что я думаю, Аккай? — сказал Рыскын. — Человек, не совершавший зла, никогда не поймет, что такое добро.

Маленький Аккай, конечно же, не понял. Только учтиво покивал, как положено молодому и умному парню, слушающему стариковские глупости. Помог деду доковылять до яранги, потом высвободился из ласковых рук старика и побежал играть с друзьями. По тому, как его маленькая фигурка терялась среди рослых сверстников, было заметно, что Аккай вырастет таким же низкорослым, как его дед. Это сильно огорчало внука, который, как и все мальчишки, мечтал стать героем и великим воином. Но Рыскын радовался, что внук в него удался. Приятно было сознавать, что на свете будет жить частичка тебя. Твое продолжение.

Рыскын присел отдохнуть. Гости вымотали его, а ведь еще предстоял целый день, полный забот. Раз он уже снова встал на ноги — не годилось лежать без дела. К старику подошел крупный серый пес и положил свою большую лохматую голову ему на колени. Рыскын гладил жесткую шерсть и слушал крики играющей детворы. Тяжесть воспоминаний навалилась на него, все сильнее и сильнее сдавливая грудь. Так сильно, что сердцу стало тяжело биться, а дыхание с трудом, с хрипом вырывалось из груди старика.

Изо всех сил он старался скрыть, насколько сильно его поразила эта короткая встреча. Встреча не с человеком по имени Сабуро, а с собственным мертвым прошлым, которое теперь начинало оживать.

Юноша по имени Рюсино из клана Мацума, похороненный на морском дне вместе со своими людьми и кораблем, открыл глаза. Он очнулся и стал рваться к играющей солнечными бликами, волнующейся морской глади. Он боролся изо всех сил, чтобы избежать смерти и забытья, чтобы вернуться к родным берегам, вновь увидеть горы и леса острова Эдзо, обнять сына и приласкать красавицу-жену. Он боролся не с бушующим ледяным морем, которое, как ему казалось теперь, мог легко переплыть. Он боролся с неумолимым, непреодолимым временем...

А маска кэля по имени Рыскын начала таять и исчезать.

Мацума Рюсино прикрыл влажные от слез глаза и навсегда вернулся в дни своей необузданной молодости. Скрюченные пальцы старого Рыскына, глядящие собаку, двигались все медленнее и медленнее, пока совсем не остановились...